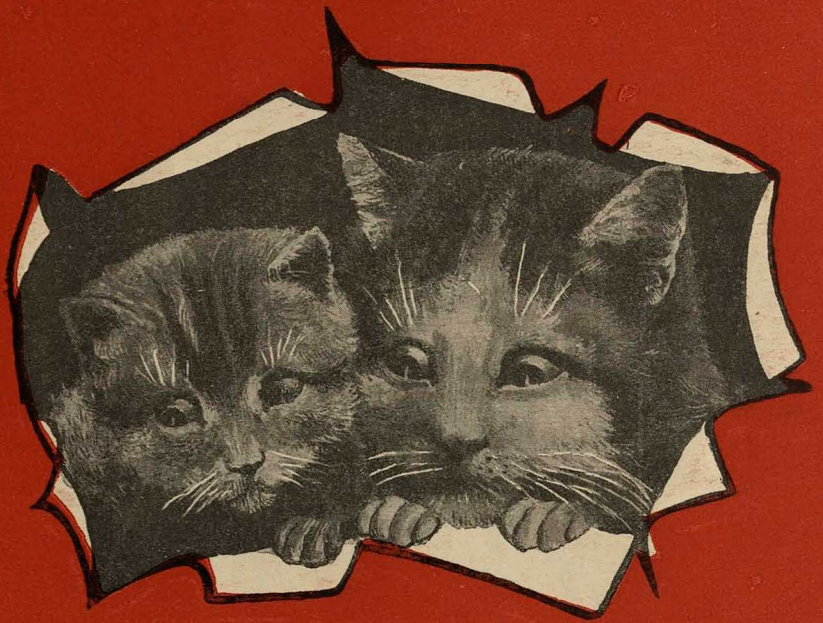

Годъ изданія восьмой

ІЮЛЬ.

№ 17.

1915.

ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО

ЖУРНАЛЬ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

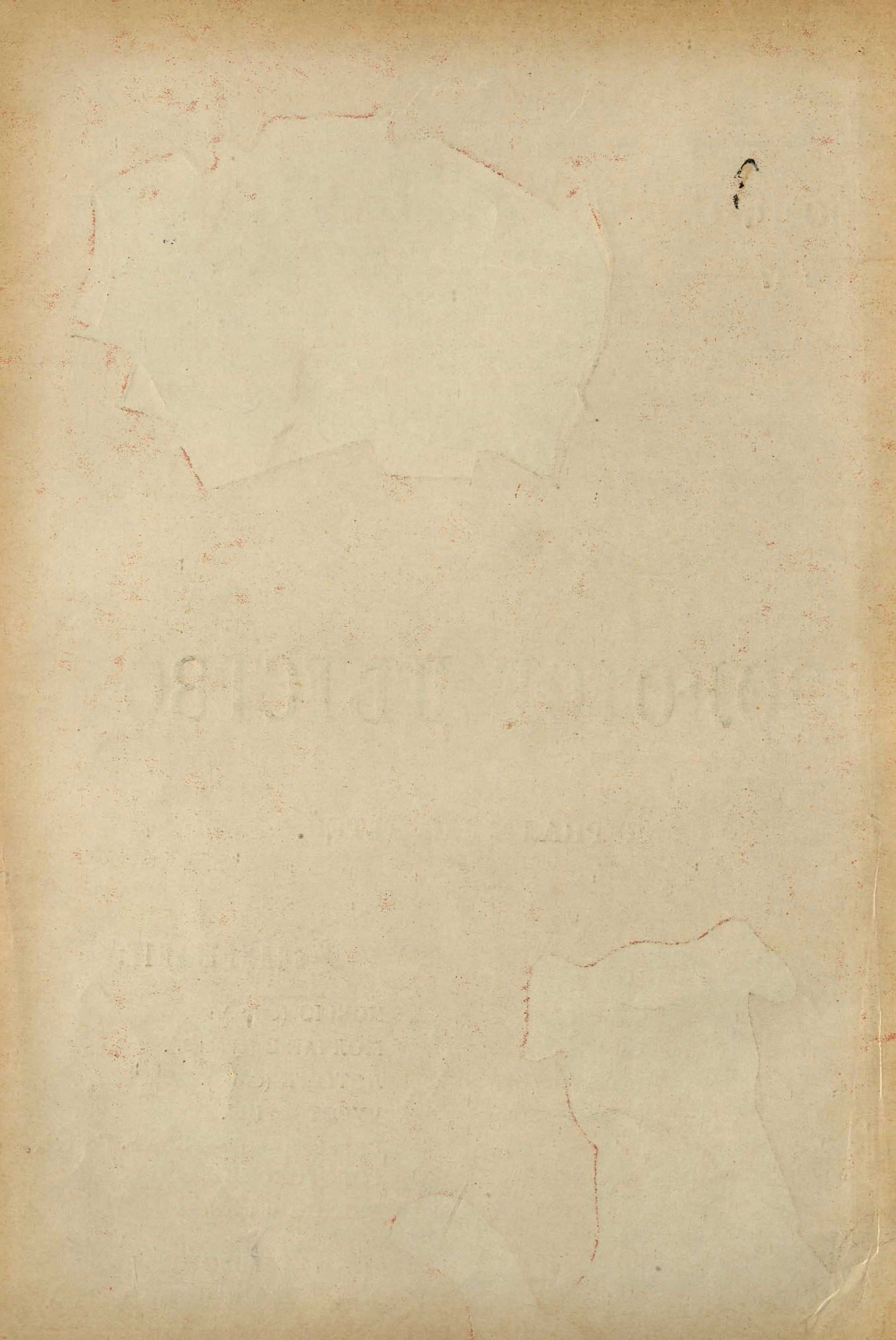
СОДЕРЖАНІЕ:

НОЧЬЮ (стих.).
МОЛЧАНІЕ (сказка).
ЛѢТОМЪ (стих.).
ЧУДОТВОРЦЫ.
СЕРЕБРЯНЫЙ КУБОКЪ. Повѣсть.
ГОЛОВОЛОМКИ.
РЕБУСЪ и проч.

ПРИЛОЖЕНІЯ:

Шведская дозорная башня (для склеиванія).
Кто угадаетъ? (игра).

№ 17. Июль, 1915.

Годъ изданія VIII-й.

Два раза въ мѣсяцъ.

Золотое Дѣтство.

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

— Все съѣлъ! Спасибо!

Н О Ч Ь Ю

Все объято тишиною,
 Спятъ росистые луга,
 Мѣсяць въ облако ночное
 Спряталъ острые рога.
 Соловей защелкалъ близко
 И умолкнулъ. Снова тишь.
 Лишь порой надъ крышей низкой
 Пролетитъ летучья мышь.

Да тихонько надъ купальной
 Закачается верба
 И бѣгутъ по рѣчкѣ дальней
 Змѣйки луннаго столба.
 Тихо... Мѣсяць остророгій
 Тѣнь бросаетъ у крыльца
 И доносится съ дороги
 Звонъ далекій бубенца.

Е. Оберучева.

М О Л Ч А Н І Е.

(СКАЗКА).

Быль палящій зной съ самаго ранняго утра. Земля вся пересохла, давно уже ждала дождя и кое-гдѣ стала уже трескаться, но пахать ее было нужно. Срокъ пахоты уже проходилъ и Кондратій и такъ уже запоздалъ, поджидая, что вотъ-вотъ пойдетъ дождь и его малосильной, худой лошади будетъ легче. По дорогѣ поднимались цѣлыя облака пыли, хотѣлось пить и жарко было даже въ одной рубашкѣ, надѣтой прямо на голое тѣло.

— Но!.. Но!.. кричалъ Кондратій на лошадь, обливаясь потомъ.— И что это, прости Господи, за жара! Эту землю Кондратій пахаль

только въ первый разъ. Ее не пахаль раньше еще никто. Когда-то, въ бымыя времена, какъ говорили старики, на этихъ мѣстахъ находились какія-то строенія, но они были разорены еще во время нашествія Наполеона и съ тѣхъ поръ не возобновлялись. Самое мѣсто поросло травой, цѣлые десятки лѣтъ стояло пустыремъ и вотъ теперь только было включено въ пахотную землю и при передѣлѣ досталось Кондратию. Пахать новую землю вообще тяжело, а тутъ еще стояли жара и засуха,—и Кондратій и его лошадка выбивалась изъ силъ.

— Но, но!! подбодряль онъ свою лошадку.— Но, милая! Ужь когда-же нибудь да будеть конець!

И онъ останавливался на минуту, чтобы дать передохнуть своей лошади и утереть рукавомъ струившейся по лицу потъ.

Какъ вдругъ лошадь встала сама. Она напрягла силы, потянула за оглобли, но соха за что-то зацѣпилась и плотно засѣла. Кондратій и раньше выворачивалъ изъ земли камни и кирпичи, уцѣлѣвшіе отъ прежнихъ построекъ,—и это заставляло его ворчать. Подумавъ, что это былъ и на этотъ разъ камень, онъ хлестнулъ по лошади. Она рванулась. Но изъ этого ничего не вышло.

„Должно быть, камень-то большой“, подумалъ Кондратій.— „Какъ-бы не сломать соху... Но вѣдь не оставлять-же здѣсь его“!..

Онъ опять хлестнулъ по лошади. Она снова рванулась и на этотъ разъ выворотила изъ земли тяжелый желѣзный сундучокъ.

— Что за диковина? проговорилъ Кондратій.— Тпру! Остановись!!

Онъ поднималъ съ земли сундучокъ и съ удивленіемъ и любопытствомъ оглядѣлъ его со всѣхъ сторонъ.

„Старинный“... подумалъ онъ.— „Весъ заржавѣлъ... Да какой тяжелый!“..

Онъ выпрягъ лошадь изъ сохи и пустилъ ее пастись на лужку, а самъ

сѣлъ сбоку своей пашни и сталъ открывать сундучокъ. Инструментовъ у него съ собой не было и ему пришлось достаточно потрудиться, прежде чѣмъ онъ смогъ отбить камнемъ замокъ. Каково-же было его удивленіе, когда, открывъ сундучокъ, онъ увидѣлъ въ немъ золотыя и серебряныя монеты! Онъ этого никакъ не ожидалъ. Голова его закружилась отъ одного только вида этихъ денегъ.

— Господи, помилуй!.. закрестился онъ.— Господи, помилуй!..

Но какъ только пропелъ первый порывъ его радости, на него нашло сомнѣніе.

— Куда теперь скрыть все это богатство? задалъ онъ себѣ вопросъ.— Вѣдь если его принести домой и начать эти деньги тратить и обзавестись коровенкой и еще одной лошаdkю, то всѣ сразу догадуются и будутъ спрашивать, откуда это я взялъ? Отъ чужихъ глазъ не скроешь! А хуже всего то, что первая-же разболтаетъ всѣмъ моя жена Авдотья... Какъ-же теперь быть?..

И онъ уже съ жалостью посмотрѣлъ на свои деньги.

„Но чьи это деньги?“ продолжалъ онъ думать.— „Кому-бы онѣ могли принадлежать?“

Для него не оставалось никакихъ сомнѣній, что эти деньги не принадлежали никому и могли составлять теперь его полную собственность. По всей вѣроятности, когда

еще шелъ со своей арміей Наполеонъ, жившіе здѣсь когда-то люди, спрятали эти деньги въ землю, забрали свои пожитки и бѣжали, — и съ тѣхъ поръ этотъ сундучокъ и лежалъ въ землѣ. Усадьба была сожжена или разрушена врагами, владѣльцы ея такъ и не возвратились болѣе назадъ и такимъ образомъ онъ, Кондратій, являлся собственникомъ своей находки и могъ распоряжаться ею, какъ хотѣлъ.

„Но какъ скрыть ее отъ людей, думалъ онъ, — и самое главное отъ жены?“

Позабывъ о жарѣ, о лошади и о пахотѣ, онъ предался своимъ размышленіямъ.

— Нашель! вдругъ воскликнулъ онъ и хлопнулъ себя по лбу. — Придумалъ!

И глаза его засвѣтились радостью. Теперь кромѣ сундучка съ деньгами, его уже не занимало больше ничто. Онъ не могъ уже ни пахать ни заниматься съ лошадыю, — и запрягши ее, взялъ ее подъ уздцы, а желѣзный сундучокъ подмышку, и несмотря на ранній часъ, отправился къ себѣ домой.

Жена его прядла. Увидѣвъ мужа, она удивилась такому раннему его возвращенію.

— Не сойди сейчасъ съ ума отъ радости, Авдотья, обратился онъ къ ней. — Такое случилось, что и по сю пору не приду въ себя!

Жена вскочила съ мѣста.

— Что? Что такое? спросила она съ любопытствомъ.

— А вотъ погляди!

И онъ открылъ передъ нею сундучокъ. Авдотья вскрикнула и всплеснула руками. Этого она никакъ ужъ не могла ожидать.

— Батюшки-мои! Свѣтики мои родные! затараторила она. — Да откуда-же это намъ счастье такое привалило? Вѣдь мы будемъ съ тобой богачи!.. Денегъ-то, денегъ-то сколько! Да ихъ и въ вѣкъ не прожить!

— Молчи, жена! крикнулъ на нее Кондратій. — Ты такъ орешь, что кто-нибудь можетъ услышать, и эти деньги у насъ украдутъ или отберутъ! Какъ ты думаешь, куда намъ ихъ спрятать?

— А ужъ я, миленькій, и не знаю! развела руками Авдотья — Прячь ты ихъ самъ! Ты ихъ нашель, ты ихъ и прячь!

Кондратій подошелъ къ ней и взялъ ее за плечо.

— Побожись, сказалъ онъ, — что никому объ этихъ деньгахъ не скажешь! Вы всѣ бабы болтливы, какъ сороки! Живо разболтаете! Божись!

— Чтобъ я разболтала? возразила она. — Да когда-же это со мной бывало?

— Божись, говорю тебѣ!

Она побожилась и перекрестилась три раза на образъ.

„Ну, значить, теперь о моей

находкѣ будутъ сегодня же знать всѣ!“ подумаль онъ съ улыбкой.— „Это хорошо! Ни одна баба, побожившись, не утерпитъ до вечера, чтобы не разболтать!“

И самъ вслухъ добавилъ:

— Я пойду, Авдотья, въ нашу ригу и тамъ зарюю этотъ сундучокъ въ землю у средняго столба!

Онъ взялъ лопату и сундучокъ и вышелъ съ ними изъ избы, Авдотья была внѣ себя отъ радости по поводу такой богатой находки. Теперь-то она накупитъ себѣ нарядовъ! Теперь-то будетъ щеголять передъ своимъ сосѣдками!

А Кондратій, вмѣсто того, чтобы идти къ себѣ въ ригу, окольными путями отправился къ лѣсу и тамъ, выбравъ мѣстечко у подошвы большого дуба, росшаго нѣсколько поодаль отъ опушки, зарылъ подъ нимъ свое сокровище. Затѣмъ онъ быстрыми шагами отправился на лужокъ, гдѣ еще наканунѣ вечеромъ разставилъ сѣти для ловли зайцевъ. Въ нихъ попался большой, сытый заяцъ. Но, повидимому, онъ попался сюда уже кѣмъ-то подстрѣленный, потому что былъ уже мертвъ. Кондратій взялъ его за заднія ноги и осмотрѣлъ его со всѣхъ сторонъ.

— Жаль... сказалъ онъ.— Все равно его ѣсть теперь вовсе нельзя! Надо его выбросить! Впрочемъ, надо содрать съ него шкурку и подарить женѣ! Возму-ка его съ собою!

И положивъ его въ мѣшокъ, онъ отправился далѣе къ рѣкѣ осматривать поставленные имъ еще съ вечера верши: не попалось-ли въ нихъ какой-нибудь рыбы? Уловъ былъ отличный. Въ верши попалось два большихъ леца, судакъ и щука. Кондратій вынулъ ихъ и, вдругъ усмѣхнувшись и что-то придумавъ, положилъ въ одну изъ вершъ дохлаго зайца и бросилъ его въ воду. Забравши рыбу, онъ отправился осматривать силки: не попалась-ли въ нихъ какая-нибудь птица? Но силки оказались пустыми. Тогда все съ той же хитрой улыбкой онъ привязалъ къ каждому силку за жабры по рыбѣ и, довольный, отправился къ себѣ домой.

— Ну, жена, сказалъ онъ,—бросай работу! Теперь мы богаты и можемъ отдохнуть! Не весь же вѣкъ намъ работать! Поживемъ и въ свое удовольствіе! Пойдемъ гулять!

Авдотья нарядилась въ свое праздничное платье и, несмотря на будень, пошла съ мужемъ гулять. Какъ ни въ чемъ не бывало, онъ повелъ ее прямо къ рѣкѣ.

— Ахъ, воскликнулъ онъ точно невзначай.— Вѣдь я здѣсь еще вчера вечеромъ поставилъ верши! Интересно было-бы взглянуть, попало-ли въ нихъ что-нибудь?

— Посмотри! согласилась жена. Кондратій вытащилъ изъ воды вершу и въ ней оказался дохлый

заяць. Авдотья присѣла въ изумленіи и развела руками.

— Ты удивляешься? спокойно спросилъ ее мужъ.—Напрасно! Я и все ловлю зайцевъ въ рѣкѣ. Тѣ зайцы, которые водятся въ рѣкѣ,—самые жирные и самые вкусные!

Авдотья была легковѣрна и повѣрила ему. Кондратій взялъ дохлаго зайца, снова закинулъ вершу и они пошли далѣе.

— Пусть заяць полежитъ здѣсь! сказалъ Кондратій.—Мы возьмемъ его на обратномъ пути!

И они пошли далѣе къ тому мѣсту, гдѣ были разставлены силки.

— Знаешь, что? вдругъ точно невзначай спохватился Кондратій.—Здѣсь недалеко еще вчера вечеромъ я разставилъ для птицъ силки. Пойдемъ посмотримъ, не поймалось-ли что-нибудь намъ на ужинъ?

Жена согласилась и они пошли. Каково-же было удивленіе Авдотьи, когда она увидала въ силкахъ вмѣсто птицъ двухъ лещей, щуку и судака.

— Ага! радостно воскликнулъ Кондратій.—Поймались! Теперь у насъ, жена, будетъ вкусный ужинъ и обѣдъ!

Авдотья какъ раскрыла ротъ отъ удивленія, такъ и осталась съ нимъ неподвижной. А Кондратій, точно ни въ чемъ не бывало, продолжалъ привязывать одну рыбу къ другой, чтобы легче ихъ было нести. Затѣмъ они пошли домой.

Поздно ночью Кондратій опять возвратился къ рѣкѣ, взялъ на берегу дохлаго зайца, положилъ его въ разломанную жестянку изъ подъ керосина и закопалъ у себя въ ригѣ около средняго столба.

— Пушай его тутъ лежить! проговорилъ онъ и, затоптавъ землю, возвратился къ себѣ домой и легъ спать.

Прошло два дня. Кондратій попрежнему пахалъ на своей лошаденкѣ свое поле и все удивлялся, почему это до сихъ поръ никто не спрашиваетъ его о находкѣ?

— Странное дѣло! бормоталъ онъ.— Неужели-же Авдотья и впрямь умѣетъ хранить молчаніе? Вотъ не ожидалъ за ней такого достоинства! А вѣдь еще божилась! Бабу только заставъ побожиться, такъ она сразу-же по секрету разболтаетъ всѣмъ!.. Странное дѣло!

И дѣйствительно, цѣлые два дня Авдотья билась со своимъ искушеніемъ и молчала. Но на третій она наконецъ не стерпѣла, не совладала съ собой, и подъ громкимъ секретомъ рассказала о находкѣ мужа своей сосѣдкѣ.

— Ты жъ, Матрена, смотри, никому объ этомъ не рассказывай! сказала она.— А то мнѣ будетъ бѣда!

Матрена пообщала и даже побожилась, но уже на слѣдующій-же день вся деревня знала, что Кондратій нашелъ старинный желѣзный сундучокъ и въ немъ много

золотыхъ и серебряныхъ денегъ. А когда вечеромъ онъ возвратился домой, то засталъ у своего крыльца двухъ стражниковъ. Они сообщили ему, что становой приставъ требуетъ его немедленно къ себѣ.

— Ты нашелъ кладъ, сказали они,—и скрываешь его у себя? Иди-ка къ становому! Онъ разберетъ!

— Я? Нашелъ кладъ? удивился Кондратій.—Да съ чего это вы взяли?

Но они повели его прямо къ становому приставу.

Становая квартира находилась недалеко, и Кондратій скоро предсталъ предъ ясныя очи полицейскаго чиновника

— Ты нашелъ кладъ, крикнулъ онъ на Кондратія,—и скрываешь его!

Кондратій почтительно ему поклонился.

— Ваше благородіе, сказалъ онъ,—да о какомъ кладѣ ваша милость изволить говорить? Я ровно ничего не понимаю! О чемъ вы меня спрашиваете? Кто вамъ это наговорилъ?

— Вся ваша деревня объ этомъ говорить! сказалъ становой приставъ.

— Да откуда деревня это узнала, что я нашелъ какой-то кладъ?

— Твоя жена сказала Матренѣ, а Матрена рассказала всѣмъ!

Кондратій весело разсмѣялся.

— Моя жена!.. воскликнулъ

онъ.—Моя жена! Да развѣ-жъ можно ей вѣрить? Вѣдь она сумасшедшая! Она только недавно сошла съ ума! Допросите ее, ваше благородіе, сами.

— Привести сюда Авдотью! распорядился самъ становой приставъ.

Не прошло и двадцати минутъ, какъ, дрожа отъ страха и отъ виновности передъ мужемъ, Авдотья предстала передъ становымъ приставамъ.

— Ты сказала первая, что твой мужъ нашелъ драгоценный кладъ? обратился онъ къ ней.—Правда-ли это?

— Правда, батюшка, ваше благородіе, чистая правда! залепетала она въ отвѣтъ.—Нашелъ цѣлый сундучокъ золота и серебра... Сама видѣла своими собственными глазами!

— Гдѣ-жъ ты это видѣла?

— У себя въ избѣ, родименькій! Кондратій-то, какъ нашелъ этотъ сундучокъ, такъ и принесъ его къ намъ домой, чтобы, значитъ, его мнѣ показать!

— А когда это было?

— Три дня тому назадъ, батюшка, ваше благородіе! Утромъ въ тотъ самый день, когда мы пошли потомъ вмѣстѣ съ нимъ гулять къ рѣкѣ и поймали въ вершу зайца!

— Въ вершу зайца? удивился приставъ.—Да развѣ зайцы водятся въ рѣкѣ?

Тройка.

Интересныя картинки.

— Да, да, батюшка! Такъ въ вершу заяцъ и попался! Вотъ этакій зайчище! Насилу его Кондратій изъ нея вытащилъ. Только жаль, его кто-то потомъ укралъ. А послѣ этого мы пошли съ мужемъ въ кустарники, гдѣ разставлены были на травѣ силки, и въ нихъ попались два вотъ этакихъ леща, судакъ да щука. Мы ихъ цѣлые два дня ѣли!

Всѣ находившіеся при допросѣ прыснули со смѣха.

— Какъ въ кустарникахъ вмѣсто птицъ рыбы и попались? переспросилъ становой приставъ.— Да ты, баба, въ своемъ умѣ?

— Въ своемъ, батюшка, въ своемъ! Я еще изъ щуки да судака уху сварила, а лещей изжарила съ кашей! Такъ-то было вкусно! Двое сутокъ ѣли!

— Ну, баба, ты и впрямь сошла съ ума! Только зря смущаешь народъ и вводишь въ заблужденіе начальство! Теперь я самъ вижу, что ты съѣхала съ крючка, и все это сочинила! Никакого сундучка съ деньгами твой мужъ вовсе не находилъ.

Кондратію этого только и было нужно. Онъ низко поклонился становому приставу.

— Не находилъ, ваше благородіе, заговорилъ онъ,—ничего не находилъ! Это она все вретъ и придумала сама!

— Какъ придумала сама? вспылила Авдотья, оскорбленная тѣмъ,

что ей не вѣрилъ никто.—А кто самъ приносилъ ко мнѣ желѣзный сундучокъ съ деньгами? Кто закопалъ его потомъ въ нашей ригѣ у средняго столба? Нѣтъ, ужъ если на то пошло, такъ врешь и сочиняешь ты, а я говорю всегда одну только правду. Извольте, ваше благородіе, послать сейчасъ къ намъ въ ригу стражниковъ и раскопать тамъ землю у средняго столба! Ишь-ты! Вру! Когда это было, чтобы я врала? Самъ скрываетъ, да прячетъ, да обманываетъ всѣхъ, а я—вру! Скажите, пожалуйста, какой фофанъ нашелся! Вру!.. Да я своими собственными глазами видѣла!

Становой приставъ распорядился послать двухъ стражниковъ съ лопатами въ ригу. За ними отправились понятые и масса любопытныхъ. Понутивъ голову и исподтишка ухмыляясь, Кондратій послѣдовалъ за ними. Съ сознаниемъ собственного достоинства и и правоты, Авдотья, точно полководецъ, шла впереди всѣхъ, кричала издали на мужа и размахивала руками.

Пришли наконецъ въ ригу.

— Вотъ здѣсь! указала Авдотья.— Вотъ здѣсь ройте!

Два стражника приналегли на лопаты и скоро одна изъ нихъ стукнула обо что-то желѣзное.

— Здѣсь! радостно воскликнулъ одинъ изъ стражниковъ.— Нашли!

И всѣмъ уже представился въ воображеніи завѣтный сундучокъ и въ немъ золотыя и серебряныя деньги, на которыя было любопытно взглянуть хоть издали.

Скоро жестянка была выкопана и вынута наружу. Всѣ затаили дыханіе и обступили ее со всѣхъ сторонъ. Одинъ изъ стражниковъ открылъ ее и съ торжественнымъ видомъ вытащилъ изъ нея... дохлаго зайца.

Всѣ стали громко смѣяться надъ Авдотьей. Она закрыла фартукомъ глаза, заплакала и побѣжала къ себѣ домой. Всѣ тотчасъ-же разошлись каждый къ себѣ.

Четверть часа спустя, къ ней пришелъ Кондратій и сталъ ее утѣшать.

— Ну, что, жена? сказалъ онъ.— Поняла-ли ты теперь, что такое молчаніе? Вѣдь благодаря твоей глупой болтливости, въ дурачь-то ты осталась сама! Неужели тебѣ не стыдно?

Она подняла на мужа глаза и виновато на него посмотрѣла.

— Ну, ну, ладно! сказалъ онъ.— Теперь, когда всѣ убѣдились, что я не нашелъ ничего, я скажу тебѣ уже настоящую тайну: сундучокъ цѣль, и я зарылъ его около лѣса подъ дубомъ. Сейчасъ я пойду,

выкопаю его и принесу его сюда. Только ужъ ты, смотри, у меня: никому объ немъ ни гугу! А то опять тебя сочтутъ всѣ за сумасшедшую!

Но Авдотью уже не нужно было объ этомъ предупреждать. Она очень поплатилась за свою болтливость, знала, что ей не будутъ теперь давать проходу отъ насмѣшекъ, и рѣшила съ этого дня молчать, какъ рыба.

И, дѣйствительно, она сдержала свое слово и съ этихъ поръ не пробалтывалась уже больше никогда. Но въ деревнѣ еще не скоро забыли о зайцѣ, рыбахъ и о жестянкѣ въ ригѣ, смѣялись надъ Авдотьей и вполнѣ считали ее душой.

Но дуракамъ всегда счастье. Авдотья не обращала вниманія ни на что, жила въ полномъ довольствѣ въ новой, просторной избѣ и шеголяла своими нарядами передъ всею деревней. И никому и въ голову не приходило, что все это было пріобрѣтено на деньги, доставшіяся ей мужу въ желѣзномъ сундучкѣ. Такъ ужъ устроенъ человекъ, что онъ вѣритъ пустой болтовнѣ и не вѣритъ тому, что видитъ своими-же собственными глазами.

А. Б.

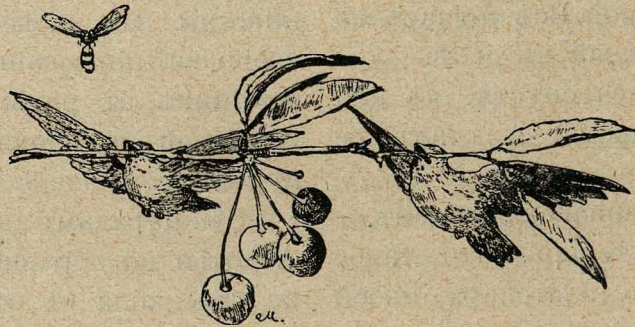

Л Ъ Т О М Ъ.

Кругомъ все зелено, просторно,
 Перепела во ржи кричатъ,
 Летаютъ ласточки проворно
 И вдалькъ стада мычатъ.
 Тепло; свѣтло; сіяетъ солнце,
 Коса сверкаетъ на лугу.
 И я открылъ свое оконце
 И наглядѣться не могу.
 И благовоннымъ еиміамомъ
 Въ окно живительной струей

Полился воздухъ; прямо къ рамамъ
 Цвѣты послали запахъ свой.
 Давно ужъ ягоды поспѣли,
 Въ лѣсу собираемъ ужъ грибы,
 Не разъ ихъ жарили и ѣли...
 Что было поисковъ, ходьбы!..
 И что за чудныя прогулки,
 Когда ребятки въ лѣсъ пойдутъ
 И, взявъ съ собой побольше булки
 Идутъ и походя жуютъ!

Кузнечикъ.

СЕРЕБРЯНЫЙ КУБОКЪ.

Разсказъ моей прабабушки.

ПОВѢСТЬ.

(Продолженіе).

Съ слѣдующаго-же утра для насъ началась новая жизнь. Сначала для насъ все было ново и казалось страннымъ, но мало-по-малу мы втянулись, привыкли и не прошло и недѣли, какъ мы уже ничѣмъ не отличались отъ прочихъ ученицъ г-жи Джексонъ. Нелли была наверху блаженства,

а то же была довольна, а Эми то предавалась бурнымъ порывамъ радости, а то грустила. Я не могла ее понять.

— Ну, чего ты? спрашивала я ее. — Отчего ты такая сегодня грустная?

— Такъ... отвѣчала она мнѣ и другого отвѣта нельзя было отъ нея добиться.

Г-жа Джексонъ оказалась превосходной начальницей. Это скорѣе была наша всеобщая любимица и подруга. Несмотря на громадную разницу въ нашихъ лѣтахъ и въ положеніи, мы смотрѣли на нее, какъ на родную тетю, и она насъ ласкала тоже какъ родныхъ племянницъ.

Весь день нашъ проходилъ въ весѣлыхъ трудахъ. Мы успѣшно учились, но даже и не замѣчали, какъ шло наше ученіе. Не прошло и трехъ мѣсяцевъ, какъ мы уже свободно болтали по французски. Мы исполняли рѣшительно всѣ работы по дому, готовили кушать, чинили бѣлье, мыли посуду, убирали комнаты и классы и даже мели дворъ. Игра на фортепіано и ухаживаніе за садомъ и огородомъ были обязательны для всѣхъ. У каждой изъ насъ были отдѣльная грядка, отдѣльный кустъ и отдѣльная рбатка цвѣтовъ. Если-бы не разлука съ родителями и съ Вольфомъ, то я и не замѣтила-бы, что живу не дома. Правда, до насъ доносился городской шумъ, воздухъ былъ не такъ чистъ и свѣжъ, какъ у насъ на хуторѣ, но весь нашъ пансіонскій дворъ и садъ были окружены высокой каменной оградой, и мы не замѣчали городской жизни. Намъ часто писали папа и мама и мы имъ отвѣчали всѣ три на одномъ листѣ и папа каждый разъ отмѣчалъ, что теперь ужъ мы не

дѣлали такихъ грубыхъ грамматическихъ ошибокъ, какъ раньше, и это было намъ приятно. Скоро мы стали переписываться съ папой даже по-французски.

Я очень полюбила г-жу Джексонъ и для меня казалось страннымъ, какъ это Эмэ могла не быть съ нею такою-же откровенной, какъ и я. Точно между ними стояла какая-то перегородка. Эмэ вообще отличалась скрытнымъ характеромъ, а въ пансіонѣ какъ-то еще больше ушла въ самое себя. Она всегда была исполнительна, прилежна и почтительна, но чѣмъ дальше шло время, тѣмъ она все болѣе и болѣе держалась въ сторонѣ отъ начальницы и отъ подругъ. Даже ко мнѣ она какъ-то перемѣнилась. Это меня волновало.

— Ну, что съ тобой? задавала я ей по прежнему вопросъ.— О чемъ ты задумываешься?

И она по-прежнему отвѣчала:

— Такъ...

У меня было множество подругъ, у Эме-же ни одной. Всему пансіону было извѣстно, какой у насъ хуторъ, какія развалины, какъ я нашла въ расщелинѣ серебряный кубокъ—я всѣмъ объ этомъ разболтала. Объ Эме-же не зналъ никто ничего. Нелли не удержалась и всѣмъ по секрету рассказала исторію Эме: какъ я и Вольфъ вышли однажды зимой погулять, какъ замѣтили какого-то неизвѣстнаго человѣка, который шелъ не

по дорогѣ, а прямо по лемъ по снѣгу, и какъ потомъ нашли Эмѣ безъ чувствъ и пріютили ее у себя. Г-жа Джексонъ не спрашивала однако Эмѣ ни о чемъ и запретила и всѣмъ воспитанницамъ ее спрашивать, а только позвала меня одну къ себѣ въ кабинетъ и спросила:

— Твоя сестра Нелли рассказываетъ про Эмѣ довольно странную исторію... Она не вретъ? Вы съ братомъ дѣйствительно нашли Эмѣ на снѣгу?

— Да... отвѣтила я. — Нелли говоритъ правду.

— Подойди ко мнѣ, Софи, поближе!

Я подошла. Начальница поцѣловала меня въ обѣ щеки.

— Это дѣлаетъ тебѣ честь, сказала она,—что къ чужой дѣвчкѣ ты относишься, какъ къ родной сестрѣ.

Сердце во мнѣ забилося.

— О, г-жа Джексонъ! воскликнула я.—Я люблю ее больше, чѣмъ сестру!

Съ этихъ поръ г-жа Джексонъ стала какъ-то совсѣмъ иначе относиться къ Эмѣ. Она стала отличать ее отъ всѣхъ, стала чаще, чѣмъ другихъ воспитанницъ, ее ласкать и однажды, когда Эмѣ во время игры въ пятнашки вдругъ упала и больно ушибла себѣ колѣнку, она пожурила игравшихъ съ нею подругъ.

— Развѣ можно такъ быстро

бѣгать? сказала она.—Вѣдь вы видите, что Эмѣ не можетъ такъ скоро бѣгать, какъ вы. И почему вы ее не поддержали? Ее надо жалѣть, она круглая сирота.

Послѣдняя фраза обидѣла Эмѣ. Когда мы ложились спать, то она подлѣзла ко мнѣ подъ одеяло и сквозь слезы сказала:

— Зачѣмъ г-жа Джексонъ назвала меня при всѣхъ сиротой? Развѣ я круглая сирота? Я увѣрена, что мой папа еще живъ!

— Эмѣ, что ты говоришь! испугалась я.—Неужели ты въ этомъ еще убѣждена?

Она прижала мнѣ къ груди свое лицо и стала плакать.

— Да, да, заговорила она,—онъ еще живъ, живъ! Онъ мнѣ часто снится, а это значить, что онъ еще живъ!

— А какъ-же мой папа? Развѣ ты не считаешь его своимъ?

Эмѣ вздохнула, сразу перестала плакать, перелѣзла къ себѣ на постель и укрылась съ головой.

Затѣмъ я заснула.

Дни шли за днями. Мы всѣ росли и развивались вполне естественно и безъ всякихъ стѣсненій. Изъ Эмѣ вытянулась высокая, худенькая, блѣдная дѣвочка съ длинными руками, которыя она, казалось, не знала, куда дѣвать. Впрочемъ, мы всѣ стали какими-то неуклюжими. Это всегда бываетъ съ дѣвочками, которыя начинаютъ вдругъ расти. Но, несмотря на

неуклюжесть, въ лицѣ Эмѣ и во всѣхъ ея манерахъ было что-то необыкновенно изящное, аристократическое, чего не было во всѣхъ насъ, — и всѣ мы это замѣчали. Въ сравненіи съ нею и я, и Нелли, и всѣ наши подружки казались мужичками. И по мѣрѣ того, какъ мы росли, Эмѣ все болѣе и болѣе отдалялась отъ насъ, часто задумывалась и уединялась въ укромные уголки сада, или-же подходила къ калиткѣ и долго смотрѣла сквозь нее на улицу. Я была не вдалекѣ отъ нея, когда она стояла такъ у калитки и глядѣла сквозь ея рѣшетку. Какъ вдругъ она вскрикнула и схватилась рукою за грудь. Я подбѣжала къ ней.

— Что съ тобой, Эмѣ? спросила я ее. — Ты поблѣднѣла!

— Это онъ! Онъ! заговорила она. Онъ сейчасъ прошелъ мимо меня!..

— Кто онъ?

— Кажется, Джимъ! Я, кажется, узнала его!

— Джимъ?! удивилась я и, чтобы ее успокоить, продолжала: — Нѣтъ, Эмѣ, ты ошиблась! Это былъ не Джимъ! Если-бы онъ былъ живъ, то кто-нибудь откликнулся-бы на объявленія, которыя папа тогда помѣщалъ о немъ въ газетахъ!.. Ты ошиблась!

Но Эмѣ стояла на своемъ. Ея убѣжденіе передалось и мнѣ, — и мы еще долго обсуждали, какъ поступить. Рѣшили написать объ этомъ папѣ.

— А вдругъ это не онъ? опять задала я вопросъ. — Вѣдь наше письмо папу встревожитъ!

— Это вѣрно, согласилась и Эмѣ! — Знаешь, что, Соня? Подождемъ еще немного и если онъ пройдетъ мимо нашей калитки еще разъ, то мы тогда уже напишемъ папѣ, что онъ въ Лондонѣ! Хорошо?

— Хорошо! отвѣтила я.

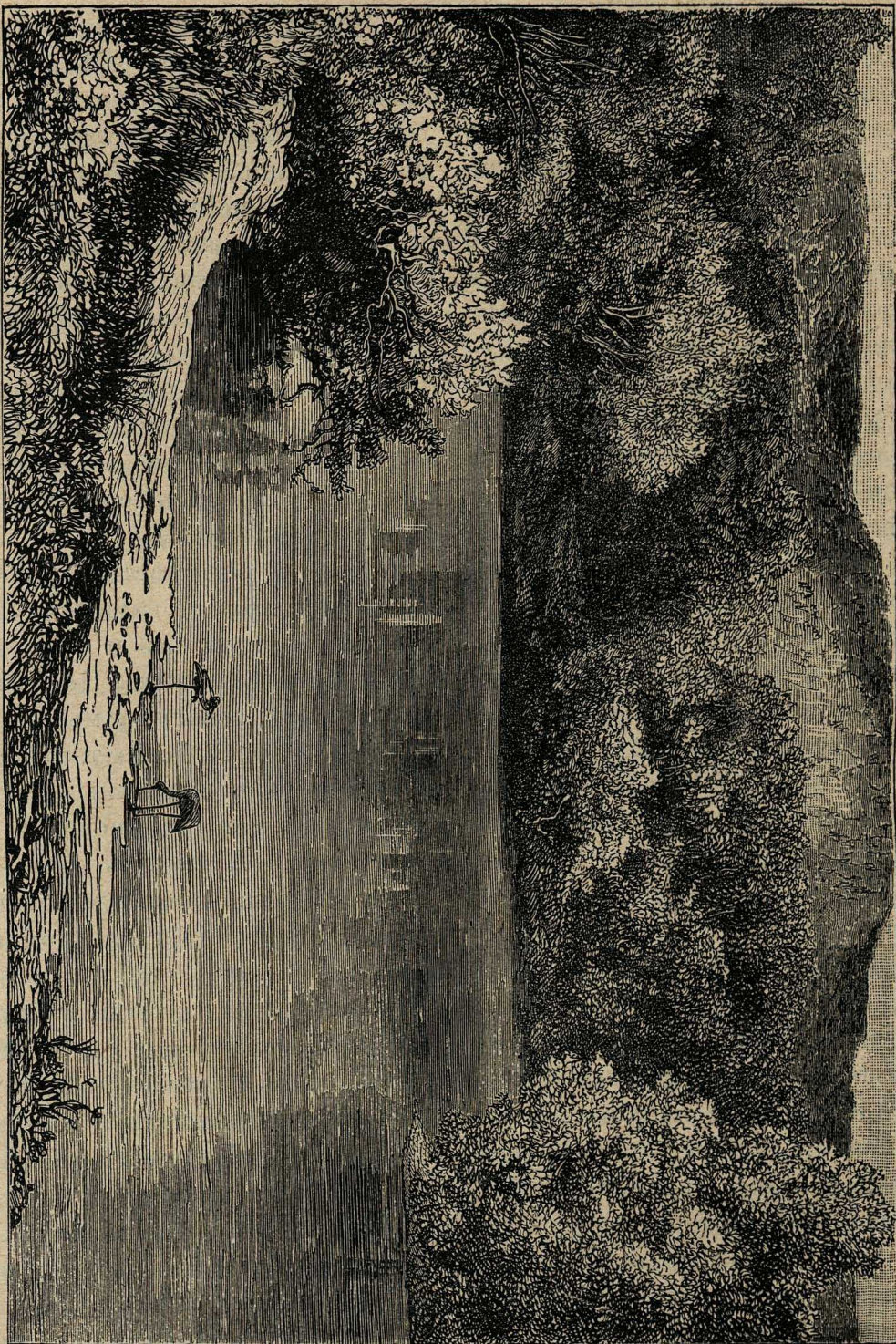
И мы стали ожидать, когда Джимъ пройдетъ мимо нашихъ воротъ и все время, пока играли на дворѣ старались держаться поближе къ калиткѣ.

Я была и рада вѣсти о Джимѣ, и не рада, что онъ нашелся. Я не любила его, хотя онъ и былъ мнѣ двоюроднымъ братомъ. Но Джимъ больше не появлялся, мы такъ и рѣшили, что Эмѣ это такъ показалось, и были довольны, что въ свое время не побеспокоили даромъ папу. А потомъ дѣло это совершенно забылось и мы больше уже о Джимѣ такъ и не вспомнили ни разу.

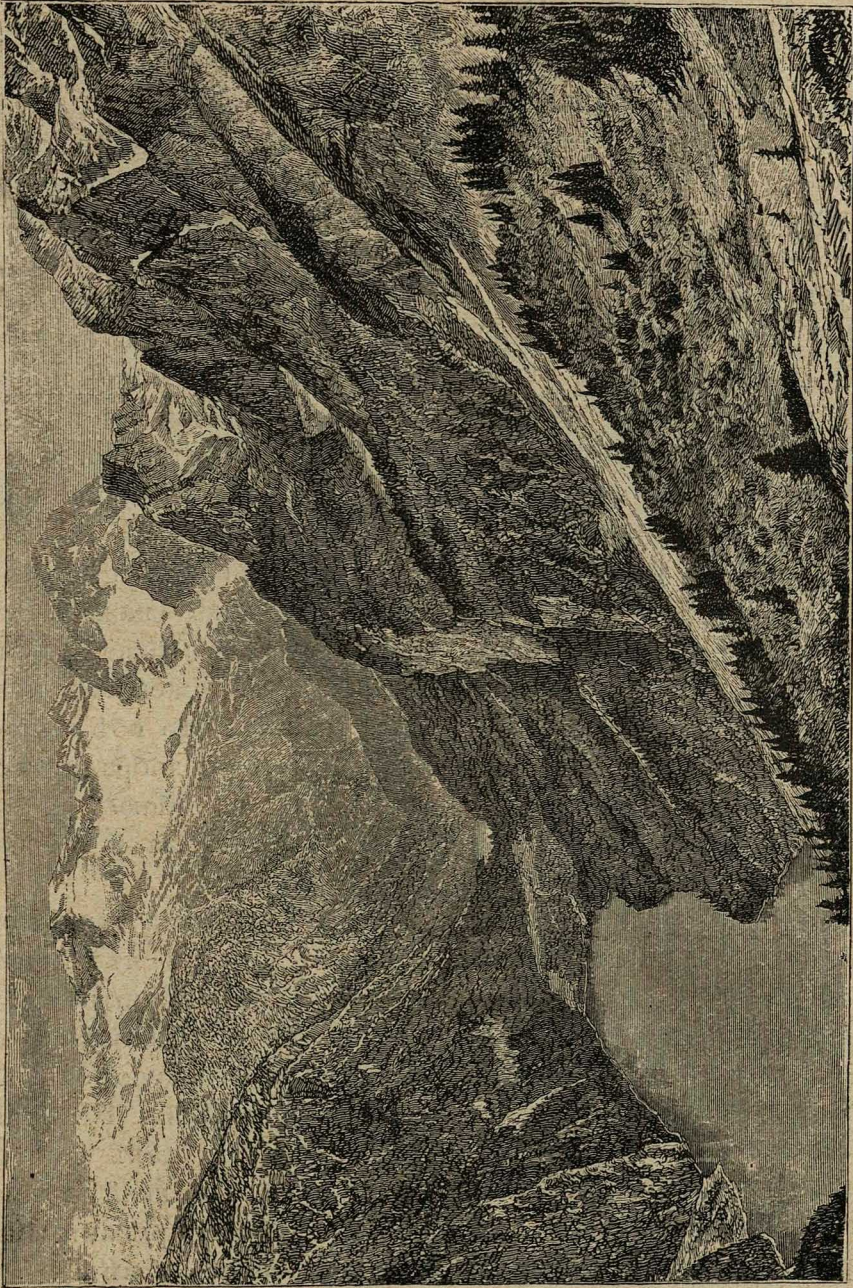
Только однажды, когда я сидѣла у себя въ комнатѣ одна и штопала чулки Эми и Нелли, ко мнѣ вдругъ вошла сама начальница. Она была взволнована. На ней не было лица.

— Соня, сказала она, — что вы обыкновенно дѣлаете съ Эмѣ, когда она лишается чувствъ?

— Лишается чувствъ? удивилась я. — Она у насъ еще ни разу ни лишалась чувствъ!..

На тихомъ озёрѣ.

Въ Норвегіи.

И сердце во мнѣ тревожно забилось.

— Но что-же съ ней дѣлать? продолжала начальница.—Мы бьемся съ ней уже полчаса и никакъ не можемъ привести ее въ себя. У ней обморокъ!

Я схватилась рукой за сердце. Мнѣ показалось, что я и сама сейчасъ лишусь сознанія.

— У Эмѣ обморокъ? воскликнула я въ ужасѣ.—Милая г-жа Джексонъ, что-же теперь дѣлать? За докторомъ! За докторомъ!

— Тише, Соня! остановила меня начальница.—Надо учиться владѣть собой. Падать въ обморокъ для дѣвушки неприлично. Поэтому молчи, успокойся и постарайся вести себя такъ, чтобы объ обморокъ Эмѣ не узналъ кромѣ насъ съ тобой и Бесси никто. А теперь пойдемъ къ ней. Ты знаешь ее лучше, чѣмъ я. Быть можетъ, ты скорѣе приведешь ее въ чувство. А затѣмъ я пошлю за докторомъ.

Я овладѣла собой и со всѣхъ ногъ бросилась внизъ, въ ту комнату, въ которой находилась Эмѣ. Она пришла уже въ себя, лежала лицомъ въ подушку, и плечи ея вздрагивали. Очевидно, она плакала. Слезы брызнули у меня изъ глазъ. Около нея стояла въ бѣломъ чепцѣ наша старушка сестра-милосердія миссъ-Бесси и мочила ей затылокъ одеколономъ.

— Эмѣ! Эмѣ! закричала я.—Что съ тобой! Что случилось? Ты

больна? Скажи-же мнѣ, отвѣть мнѣ поскорѣе!

Я никогда еще раньше не думала, чтобы Эмѣ была такъ для меня дорога. При малѣйшей даже мысли о возможности ее потерять я приходила въ трепетъ. И я припала къ своей названной сестрѣ и стала умолять ее отвѣтить мнѣ, что съ ней? Но всѣ мои просьбы остались безъ отвѣта. Эмѣ стала только вздрагивать еще чаще и порывистѣе, но не отвѣтила ни слова и даже не вздохнула. Тогда я легла на кровать рядомъ съ ней и крѣпко ее обняла.

— Эмѣ! зашептала я.—Ты должна мнѣ сейчасъ-же сказать, что съ тобою, иначе и я тоже буду горько плакать. Г-жа Джексонъ и я такъ перепугались, что объ теперь дрожимъ. Ну, будь добра, отвѣть мнѣ, милая, что съ тобою?

Эмѣ не отвѣтила и только глубоко вздохнула.

Тогда я рѣшила тоже молчать. Я только еще тѣснѣе прижалась къ Эмѣ и стала гладить ее ладонью по плечамъ и по спинѣ. Мое молчаніе сдѣлало гораздо больше, чѣмъ убѣжденія и слезы. Не прошло и десяти минутъ, какъ Эмѣ поднялась, сѣла на край кровати и закрыла обѣими руками лицо. Я воспользовалась этимъ.

— Эмѣ, милая сестра моя, шепнула я ей на ухо,—ну, расскажи мнѣ все!

Она взвизгнула и разрыдалась.

Слезы брызгали у нея сквозь пальцы. Поплакавъ, она успокоилась.

О, Сонечка, глубоко вздохнула она, — если-бы ты знала, какъ тяжело у меня на сердцѣ!

Я обрадовалась. Она сказала о сердцѣ, — значить, тѣломъ она была совершенно здорова. Это все, что мнѣ было необходимо. Значить, она теперь не умретъ и во всякомъ случаѣ не сляжетъ больная. Теперь я могла быть покойна.

— Но отчего это съ тобой случилось? спросила я.

Она повела плечами и опять глубоко вздохнула.

— Ну, почему это съ тобой произошло? настаивала я.

Она отрицательно покачала головой.

Въ эту минуту въ комнату вошли докторъ и г-жа Джексонъ и не дали намъ договорить до конца. Докторъ пощупаль у Эме пульсъ, оттянулъ ей вѣки и заглянулъ за нихъ и велѣлъ ей показать языкъ.

— Такъ, чѣмъ-нибудь разстроилась барышня... сказалъ онъ лѣниво. — Нервы... это скоро пройдетъ!

— Но вѣдь съ ней былъ обморокъ! возразила г-жа Джексонъ. — Мы пробились съ нею чуть не полчаса! Нѣтъ, докторъ, я ужъ попрошу васъ осмотрѣть ее поподробнѣе! Соня, выйди!

Я вышла, но, полная безпокойства, остановилась по ту сторону двери и стала подслушивать.

— Какъ это все случилось? спросилъ докторъ.

— Положительно не знаю, отвѣтила начальница. — Сегодня послѣ обѣда дѣвочка вышла гулять со всѣми воспитанницами, какъ и всегда, въ своемъ обычномъ расположеніи духа. Затѣмъ, когда пробилъ звонокъ, она возвратилась вмѣстѣ со всѣми въ классы и не прошло затѣмъ и пяти минутъ, какъ она выбѣжала вотъ въ эту самую комнату, упала вотъ въ это кресло, вскрикнула и лишилась чувствъ. Какъ мы ни разспрашивали ее потомъ о причинѣ, такъ она ничего намъ и не сказала. Я думаю, что и причинъ-то не было никакихъ. Иначе-бы она сказала.

Докторъ задумался.

— Вы говорите — безъ причины? спросилъ онъ. — Этого не можетъ быть. Въ природѣ нѣтъ слѣдствія безъ причины. Во всякомъ случаѣ хоть какая-нибудь причина да есть. Давайте ей лекарство, которое я сейчасъ пропишу, и затѣмъ постепенно и незамѣтно постарайтесь узнать отъ нея причину. Причина есть, чѣмъ раньше я узнаю эту самую причину, тѣмъ скорѣе вылечу эту дѣвочку.

Начальница нахмурилась.

— Трудно отъ нея узнать хоть что-нибудь, отвѣтила она. — Это такое странное дитя! Я увѣрена, докторъ, что не добьюсь отъ нея ничего.

— Побольше ласки и умѣнья, г-жа Джексонъ! сказалъ докторъ.— Главное—ласки, г-жа Джексонъ,— и я увѣренъ, что вы узнаете все! А затѣмъ—до свиданія. Завтра я навѣщу больную еще.

Онъ вышелъ и г-жа Джексонъ отправилась его проводить. Увидѣвъ меня за дверью, она нахмурилась и слѣлалась серьезной.

— Ты здѣсь? спросила она.— Вотъ докторъ говоритъ, что сейчасъ трудно чѣмъ-нибудь помочь Эме. Необходимо ее ласкать и не давать ей разстраиваться. Хорошо-бы ты слѣлала, Софи, если бы уговорила ее раздѣться и лечь спать. А еще лучше, если бы ты вошла къ ней въ довѣріе и вывѣдала бы отъ нея все. Докторъ говоритъ, что какая-то причина есть, и что мы должны ее знать.

Я тотчасъ-же возвратилась къ Эмѣ и уговорила ее раздѣться и лечь спать. Она согласилась и, опираясь о мое плечо, поплелась вмѣстѣ со мной въ нашу комнату. Тамъ я ее раздѣла и уложила въ постель. Скоро она заснула. Но она спала тревожно, нѣсколько разъ просыпалась до вечера и въ теченіе всей ночи и раза два, проснувшись, плакала. Я все время была около нея, не спала, и ожидала, что вотъ-вотъ она нарушитъ свою тайну и расскажетъ мнѣ все. Но она этого не дѣлала и такъ я за эти сутки не узнала отъ нея ровно ничего.

Я такъ устала за ночь безъ сна, что часовъ около семи утра свалилась и крѣпко заснула. Во снѣ я не слышала ничего. Какое-же было мое удивленіе, когда, проснувшись, я не увидала въ постели Эмѣ. Она куда-то исчезла.

— Нелли! стала будить я сестру.—Гдѣ Эмѣ? Ты не видѣла, куда она ушла? Вѣдь начальница приказала ей оставаться въ постели!

Нелли стала протирать глаза.

— Не знаю, Соня.. отвѣтила она.—Я спала... А развѣ ты сама не видѣла?

Мнѣ ничего не оставалось больше дѣлать, какъ вскочить и одѣться. Не помню, какъ я одѣвалась, какъ застегивала на себѣ крючки и пуговицы. Руки у меня дрожали. Когда-же я была уже готова и выскочила въ классную комнату, то нашла тамъ Эмѣ. Она тоже была совершенно одѣта и, несмотря на ранній часъ утра и на то что всѣ еще спали, спдѣла на окошкѣ и читала книгу. Увидѣвъ меня, она радостно улыбнулась. Я же остановилась въ молчаніи передъ той переменной, какая произошла въ ней за одну только ночь. Она была совершенно блѣдна, подъ глазами у нея были большіе темные круги и вокругъ губъ стояло какое-то почти скорбное выраженіе. За одну ночь она постарѣла сразу на пять лѣтъ и стала выглядѣть

теперь не дѣвочкой, а шестнадцатилѣтней дѣвицей.

— Эме! воскликнула я. — Что съ тобой? Какъ ты перемѣнилась!

— Нѣтъ, ничего, весело отвѣтила она. — Я совершенно здорова! Теперь уже все прошло!

— Но что съ тобой было? Отчего?

Она смутилась и покраснѣла.

— Я тебѣ этого не скажу никогда... отвѣтила она и слезы появились у нея на глазахъ.

А затѣмъ она бросилась ко мнѣ и стала меня обнимать и цѣловать.

— Сонечка, милая, дорогая моя, заговорила она, — ну, обѣщай мнѣ, что ты больше никогда не будешь меня спрашивать ни о чемъ. Мнѣ такъ больно, что я тебѣ не могу сказать!

— Значить, это тайна? спросила я. — Значить, съ тобой дѣйствительно что-то случилось?

— Да... тихо вздохнула она.

— Что-же мнѣ сказать теперь г-жѣ Джексонъ? Вѣдь она поручила мнѣ узнать отъ тебя все.

— Пусть все остаётся по старому.

— Но вѣдь это невозможно! Сегодня опять пріѣдетъ докторъ!

Она что-то хотѣла сказать, какъ вдругъ къ намъ въ классную комнату неожиданно вошла сама начальница. Мы обѣ смутились.

— Что съ тобой случилось вчера? прямо обратилась она къ Эме.

— Не знаю... глухо отвѣтила Эме. — Я совершенно здорова.

— Я тебя спрашиваю, милая, не о здоровьѣ, а о причинѣ! Будь откровенна! Говори!

Эме не отвѣтила.

— Неужели, Эме, ты думаешь, что я спрашиваю тебя изъ простаго любопытства? продолжала начальница. — Я люблю тебя, какъ родную дочь, и спрашиваю тебя, какъ мать.

Эме бросилась и къ ней на шею. Слезы брызнули у нея изъ глазъ.

— О, не спрашивайте меня, дорогая г-жа Джексонъ, заговорила она. — Когда-нибудь вы сами узнаете все!

И какъ ни билась съ ней начальница, какъ ее ни упрашивала и ни убѣждала, изъ этого не вышло ничего. Эме уперлась на своемъ и не рассказала ей ничего. Затѣмъ въ классъ вошла дѣвочка изъ маленькихъ и зачѣмъ-то позвала г-жу Джексонъ. Начальница вышла, и мы опять остались однѣ.

Начались потомъ занятія, затѣмъ пріѣхалъ докторъ, который очень удивился, что засталъ Эме совершенно здоровой.

— Ну, вотъ и отлично! весело сказалъ онъ. — Я говорилъ, что это — нервы!

Къ полудню все вошло въ колею, все опять пошло, какъ по маслу, но какое-то странное чувство безпокойства все еще не оставляло меня и г-жу Джексонъ. Я никакъ не могла забыться въ занятяхъ и въ играхъ и все время исподтишка

поглядывала на Эмэ, стараясь ни на одну минуту не упускать ея изъ виду. То-же самое дѣлала и начальница. А Эмэ такъ рѣзвилась, какъ птичка, и такъ была весела, что всѣ воспитанницы вокругъ нея смѣялись, но для меня было ясно, что эта веселость въ ней была напускная.

Затѣмъ всѣ мы вышли на дворъ и въ садъ и по обыкновенію кучками разсѣялись по куртинамъ и по уголкамъ. Въ одномъ мѣстѣ воспитанницы читали вслухъ, въ другомъ—играли въ какую-нибудь игру, въ третьемъ что-нибудь вышивали. Я сама присѣла въ уголокъ и стала шить начатую наволочку. Какъ вдругъ ко мнѣ подошла сама начальница.

— Соня, а гдѣ-же Эмэ? обратилась она ко мнѣ,

Я оглядѣлась по сторонамъ. Эмэ не было по близости нигдѣ.

— Ея здѣсь нѣтъ! отвѣтила я съ безпокойствомъ.

— Пойди, разыщи ее!

Я обѣжала весь дворъ, весь садъ, оглядѣла каждый кустъ,—но Эмэ не было нигдѣ. Тогда я возвратилась въ домъ, заглянула въ каждый классъ, къ себѣ въ спальню, даже въ личныя комнаты начальницы—и тамъ Эмэ не оказалось.

— Эмэ! Эмэ! кричала я.—Гдѣ ты?—Отзовись!

Но она не отзывалась.

Съ безпокойствомъ я заглянула

въ гардеробъ. Къ моему удивленію, въ немъ не оказалось ни кофточки, ни шляпки Эмэ. Теперь для меня уже было ясно, что Эмэ воспользовалась суматохой и куда-то ушла. Но куда именно? Это было противъ нашего правила уходить безъ спроса, Эмэ была такая всегда чуткая ко всѣмъ правиламъ и исполнительная,—и вдругъ такое нарушеніе дисциплины. Это привело меня въ отчаяніе. Я нарочно задержалась наверху, чтобы не сразу сообщить начальницѣ о побѣгѣ Эмэ, все еще рассчитывая, что вотъ-вотъ услышу ея шаги и мы обѣ какъ-нибудь постараемся оправдаться передъ г-жей Джексонъ. Но Эмэ не возвращалась. Тогда я сошла внизъ.

— Ну, что Эмэ? спросила у меня начальница.—Она у себя? Вѣроятно, опять больна? Лежитъ?

— Я нигдѣ не могла ее найти... едва я имѣла силъ отвѣтить.

— Не могла ее найти? удивилась начальница.—Глупости! Ты вѣроятно не вездѣ ее искала.

— Нѣтъ, вездѣ...

— Такъ пойди поищи еще!

— Но ея нѣтъ нигдѣ, г-жа Джексонъ.—Она взяла съ собой кофточку и шляпку.

— Какъ кофточку и шляпку?!

Я опустила глаза.

— Ты говоришь—кофточку и шляпку? повторила она.

— Да, отвѣтила я.

— Какъ все это странно!.. Куда же она ушла?

— Не знаю...

— Когда она возвратится, то пошли ее ко мнѣ!

И начальница быстро-быстро пошла къ себѣ въ домъ.

Мы побыли въ саду еще минуту съ двадцать и тоже всѣ возвратились домой. Разойдясь по классамъ, мы принялись за уроки и все опять пошло своимъ чередомъ. Объ исчезновеніи Эмэ никто изъ ученицъ не догадывался, а я, помня наставленіе начальницы, никому изъ нихъ объ этомъ не говорила. Какъ вдругъ около меня оказалась сама Эмэ. Она была блѣдна и тяжело дышала. Было видно, что она бѣжала, стараясь не опоздать къ урокамъ.

— Вотъ и я! сказала она.— Меня не спрашивала г-жа Джексонъ? Она не догадалась, что я уходила?

— Она велѣла тебѣ сейчасъ-же явиться къ ней... угрюмо отвѣтила я.—Она такъ мучилась, что тебя не было дома!

— Я знаю это, сказала Эмэ.— Но что-же мнѣ дѣлать? Все равно она меня не пойметъ!

И она отправилась къ начальницѣ. Она возвратилась отъ нея красная и заплаканная, но старалась храбриться и казаться веселой.

— Ну, что? бросилась я къ ней.—Что она тебѣ сказала?

Эмэ съ достоинствомъ отвѣтила:

— Она сказала, что сегодня-же напишетъ обо всемъ твоему папѣ и попроситъ его пріѣхать сюда лично.

— Но вѣдь это ужасно! воскликнула я.—Это встревожитъ папу!

Эмэ отошла къ окошку и задумалась.

— Ты помнишь, обратилась она ко мнѣ потомъ,—что написано на серебряномъ кубкѣ, который ты нашла когда-то въ развалинахъ?

— Да, отвѣтила я.—На немъ написано. „Свято исполняй, свой долгъ.“ А что?

— Ну, вотъ я и исполняю свой долгъ! отвѣтила она.—Сейчасъ я кое-что про твой кубокъ узнала!

— Ты? Сейчасъ? удивилась я. Она не отвѣтила и вышла изъ класса. Я съ удивленіемъ посмотрѣла ей вслѣдъ.

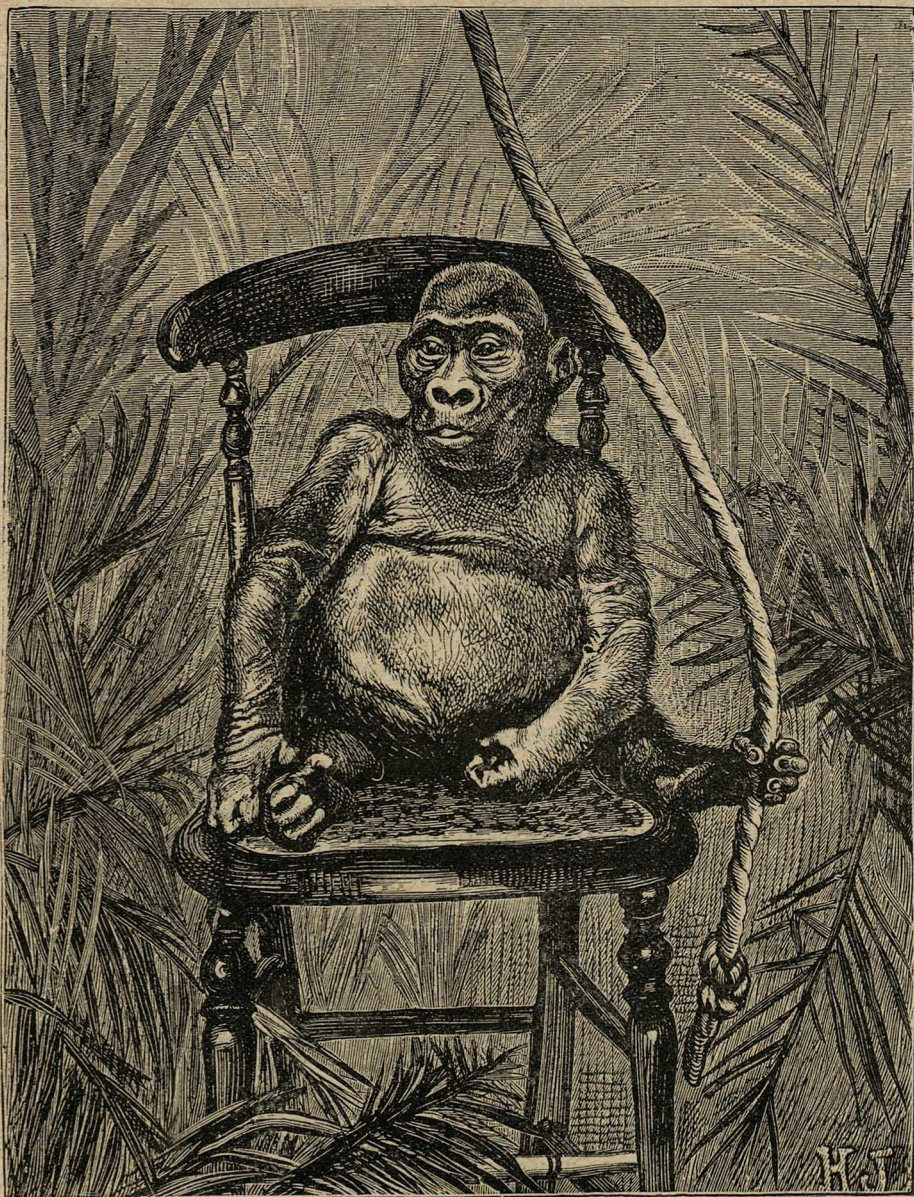
По «The silver flagon» изъ «Chatterbox».

(Продолженіе слѣдуетъ).

У мамы на колѣняхъ.

Молодая горилла.

ЧУДОТВОРЦЫ.

— Ты не знаешь, Костя, что такое чудо? вдругъ неожиданно задала Кися брату вопросъ.

Костя поднялъ свою темную головку.

— Чудо — это... отвѣтилъ онъ съ увѣренностью, — это когда что-нибудь случится и не понимаешь, какъ оно произошло.

Кися задумалась. Отвѣтъ брата показался ей не совсѣмъ понятнымъ. Они побѣгали еще немного, а затѣмъ Кися снова задала Костѣ вопросъ.

— А трудно, Костя, творить чудеса?

— Не знаю, отвѣтилъ Костя искренно.

— А мнѣ такъ-бы хотѣлось сотворить какое-нибудь чудо!

— Такъ давай попробуемъ!

— Но какъ?

— Спросимъ маму!

— Но вѣдь мамы сейчасъ нѣтъ дома, она уѣхала къ Григорьевымъ!

— Тогда давай спросимъ у Марьюшки! Слышишь, она сзываетъ куръ на заднемъ дворѣ?

Дѣти побѣжали на задній дворъ. Здѣсь стояла отставная старушка-кухарка Марьюшка и сзывала куръ:

— Цыпъ-цыпъ-цыпъ!..

Но, увидѣвъ прибѣжавшихъ къ ней дѣтей, которыхъ она любила безъ ума, она какъ-то сразу вдругъ расцвѣла, умилилась, на глазахъ у нея появилась влага и она заговорила:

— Милые мои! Ангелочки мои прекрасные!.. Только-бы вамъ крылышки, — такъ-бы вы и улетѣли къ Боженькѣ на небо!

Костя и Кися подошли къ ней и переглянулись между собою, не зная, съ чего начать.

— Ты не знаешь, Марьюшка, осмѣлилась наконецъ Кися, — трудно творить чудеса?

— Чудеса?! удивилась Марьюшка. — А кто-жъ ихъ знаетъ! Было-бы легко, такъ всѣ-бы творили!

— А ты сама умѣешь ихъ творить? спросилъ Костя.

— Я?! снова удивилась Марьюшка. — Да что вы, дѣти? Развѣ я святая, или столпница какая? Это только Боженька и Его святые угодники творятъ чудеса, а я что за святая?

— А ангелы? Ангелы творятъ чудеса?

— Творятъ, творятъ... отвѣтила быстро Марьюшка, чтобы только отвязаться отъ нихъ и начать кормить куръ. — Подите-ка лучше играть! День ясный да теплый, бѣгайте себѣ на здоровье! А о такихъ премудростяхъ и не думайте вовсе! Вамъ еще рано!..

Дѣти задумчиво возвратились въ паркъ.

— Какая жалость!.. вздохнула Кися. — А я такъ-бы хотѣла сотворить чудо!

— Мы его сотворимъ!.. съ увѣренностью отвѣтилъ Костя.

— Ты думаешь?

— Да!.. Не даромъ-же Марьюшка сказала, что чудеса могутъ творить только Боженька, Его святые угодники и... и ангелы.

Кися вздохнула.

— Какая жалость, сказала она, — что мы съ тобой не ангелы!

— Какъ не ангелы? возразилъ Костя.—Если-бы мы не были ангелами, то мама не называла-бы насъ такъ. Вспомни-ка, сколько разъ она намъ говорила:—„Ахъ, вы мои ангелочки!“ Кромѣ того, мы еще младенцы—тебѣ шесть лѣтъ, а мнѣ—восемью! А ты знаешь, что такое младенцы?

— Нѣтъ.

— Это ангелы безъ крылышекъ!

Кися подумала.

— Въ такомъ случаѣ, спросила она,—мы съ тобой тоже можемъ совершить чудо?

— Да, убѣжденно отвѣтилъ Костя.—Только не надо объ этомъ болтать!

— А ты можешь что-нибудь придумать?

Костя почесалъ себя за ухомъ.

— Надо попробовать! отвѣтилъ онъ.

И въ своихъ дѣтскихъ мечтахъ, взявшись за руки, они долго и медленно бродили по тѣнистымъ аллеямъ парка, стараясь придумать какое-нибудь чудо. Надъ ними склонялись пышныя зеленыя вѣтви, распѣвали птицы, имъ улыбались цвѣты и посылали имъ свой ароматъ, а они шли рядкомъ, понуривъ головы, и не замѣчали всей этой окружавшей ихъ красоты, всего этого чуда, которое развертывалось передъ ними со всѣхъ сторонъ и бросалось имъ прямо въ глаза.

— Нашелъ! вдругъ радостно воскликнулъ Костя.

— Что, что? заторопила его Кися.

— Ты помнишь? Во всѣхъ исторiяхъ, которыя рассказывала и читала намъ мама,—чудо всегда дѣлаетъ человѣка счастливымъ. Сегодня приходилъ къ мамѣ нашъ

садовникъ Егоръ и сказалъ ей, что у тетки Настасьи заболѣлъ ея Петька и что имъ нечего ѣсть. Давай имъ чего-нибудь отнесемъ!

— И это все? разочарованно спросила Кися.—Какое же это чудо?

— Нужно только сдѣлать такъ, продолжалъ Костя,—чтобы ни сама тетка-Настасья, ни ея Петька никогда не узнали, что это именно мы приносили имъ поѣсть! Главное—чтобы они не узнали! Мы принесемъ, положимъ имъ ѣду на столъ и потихоньку убѣжимъ. Они увидятъ ѣду, не поймутъ, откуда она у нихъ взялась—вотъ тебѣ и чудо!

Кися радостно запрыгала, какъ коза.

— Вотъ будетъ хорошо-то! воскликнула она.

— Но чтобы наше чудо вышло настоящимъ, серьезно продолжалъ Костя,—надо всего отнести Петькѣ какъ можно больше. Чудо потому и называется чудомъ, что на человѣка всегда сваливается цѣлая гора счастья. Пойдемъ-же скорѣе въ кухню!

И они со всѣхъ ногъ побѣжали въ кухню. Здѣсь никого не было. Этого-то имъ и было нужно. Пылалъ огонь въ плитѣ, кипѣла кастрюля съ супомъ и тутъ-же на краю плиты, на противнѣ, стояла уже изжаренная цѣлая баранья нога.

— Возьмемъ ее! шепнула Кися Костѣ.

Костя приподнялъ съ противня баранину за косточку, стряхнулъ съ нея подливку, завернулъ ее въ подвернувшійся клочекъ бумаги и бросился бѣжать съ добычей въ паркъ. Еле поспѣвая, за нимъ

бѣжала Кися, и ея волосы въ безпорядкѣ развѣвались по сторонамъ. Отбѣжавъ подальше отъ дома, они остановились. Костя раздвинулъ кустъ жимолости и сунуль въ него жаркое.

— Теперь надо вернуться назадъ, сказалъ онъ, — и захватить съ собой еще какъ можно больше хлѣба!

Они вернулись къ дому и, такъ же какъ и въ первый разъ, на цыпочкахъ, прошли черезъ всѣ комнаты и снова пробрались въ кухню. И на этотъ разъ въ ней не оказалось никого. Тогда дѣти подошли къ шкафу, достали изъ него весь хлѣбъ, приготовленный къ обѣду, взяли стоявшую тамъ же съ чѣмъ-то бутылку, и такъ же тихонько выбрались изъ кухни въ паркъ.

— Тссс!.. сказалъ Костя. — Теперь у больного Петьки будутъ не только жаркое и хлѣбъ, но и вино!

— А какое это вино? спросила Кися.

Костя прочиталъ по складамъ ярлычекъ: — „Нашатырный спиртъ! Должно быть, крѣпкое!“

Они возвратились къ кусту жимолости, взяли изъ него баранью ногу и отправились въ путь.

— Воображаю, какъ будутъ довольны тетка-Настасья и ея больной Петька! сказалъ Костя. — Какая жалость, что нельзя будетъ посмотреть, какъ они удивятся на наше чудо! Неси хлѣбъ ты, а я поташу баранину и вино! А то у меня устала рука.

Изба Настасьи находилась по ту сторону ограды парка, у самыхъ его заднихъ воротъ, нѣсколько поодаль отъ деревни. Дѣти бывали въ ней не разъ и раньше. Когда они подошли къ ней теперь, то

Костя положилъ на траву жаркое и бутылку и взобрался на зава-linkу.

— Подожди, сказалъ онъ, — прежде надо посмотрѣть, нѣтъ ли тамъ кого-нибудь большихъ!

Онъ приложилъ ладони къ вискамъ и заглянулъ въ окно.

— Никого! продолжалъ онъ. — Только одинъ Петька... Но онъ лежитъ и спитъ.. Поспѣшимъ скорѣе!

Они тихонько вошли въ избу. Въ ней дѣйствительно не было никого. Только одинъ больной мальчикъ лежалъ на кровати съ каплями пота на переносѣ и на лбу и спалъ. Боясь, какъ-бы не вернулась неожиданно тетка-Настасья и не застала ихъ на мѣстѣ преступленія, дѣти положили жареную ногу, хлѣбъ и бутылку на столъ, тихонько вышли изъ избы и со всѣхъ ногъ бросились бѣжать обратно въ паркъ.

— Ну, вотъ видишь, какъ легко творить чудеса! сказалъ Костя, едва переводя отъ волненія духъ.

Кися тоже тяжело дышала, но была рада, что чудо было сотворено.

Когда они подходили къ дому, то имъ попалась навстрѣчу горничная Палаша.

— Мама приѣхала изъ гостей, сказала она. — Она спрашивала о васъ. Сейчасъ обѣдать!

Костя и Кися опрометью бросились къ матери.

— Здравствуйте, мои ангелы! обратилась къ нимъ мать. — Ну, какъ вы себя вели?

— Мы все бѣгали по парку! отвѣтилъ Костя.

— Все время? Съ самаго утра?

— Нѣтъ... смутилась Кися. — Мы что-то сдѣлали и еще...

— Что-же именно?

Костя нахмурилъ брови и строго посмотрѣлъ на сестру.

— Что-же вы сдѣлали еще? продолжала мама.

Костя и Кися смутилась и не знали, что отвѣтить. Но въ это время въ гостиную впопыхахъ вбѣжала кухарка Прасковья и съ растеряннымъ видомъ, сама не своя, еле имѣла силъ произнести:

— Барыня!.. Барыня!.. Никогда еще этого у насъ не бывало!.. Двѣнадцать лѣтъ служу у васъ и никогда еще того не бывало, чтобы жулики прямо съ плиты кушанья воровали!

— Воровали!.. испугалась мама.— Жулики?.. Да что ты говоришь? Опомнись!

— Вѣрно, барыня, заплакала Прасковья и утерла грязнымъ фартукомъ глаза.— Прихожу изъ погреба въ кухню, глядь,— а баранины-то на плитѣ и нѣтъ! Ахъ, я горькая, злощадная, что-же мнѣ теперь дѣлать, какъ мнѣ быть?.. Заглянула въ шкафъ, а тамъ и хлѣба нѣтъ! Украли, оканные, и хлѣбъ!

Плача и причитая, она опустилась на стулъ.

Костя и Кися переглянулись, густо покраснѣли и тоже вдругъ оба разомъ, точно по командѣ, залились слезами. Затѣмъ они бросились къ матери, и повисли у нея на шеѣ.

— Вы-то о чемъ плачете? удивилась мама.

— Мамочка, милая... залепетала Кися.— Не обижайся на насъ... Это мы хотѣли... Мы... мы... мы...

Ничего не понимая, мама восторженно поглядѣла на Костю. Онъ теръ кулаками глаза и ему

было стыдно и своихъ слезъ и того, что изъ его чуда вышель скандалъ. Прасковья поглядѣла на него и на Кисю и сразу-же догадалась, что баранина и хлѣбъ исчезли не безъ ихъ участія.

— Ахъ, голубчики мои! воскликнула она.— Такъ это вы пошутили? Ну, слава Богу, что это не жулики! А я такъ было испугалась!.. Куда-же вы спрятали баранину?

Костя стоялъ, опустивъ голову.

— Мама! воскликнула наконецъ Кися, едва подавляя рыданія.— Мы вовсе ее не прятали. Мы только взяли ее для того, чтобы... чтобы совершить чудо!..

И будучи не въ силахъ что-нибудь скрывать отъ матери, она рассказала, какъ вмѣстѣ съ Костей они стащили съ плиты цѣлую баранью ногу и взяли изъ шкафа хлѣбъ. Прасковья слушала и всплескивала руками.

— И что-же вы сдѣлали съ ними? спросила мама.

— Мы отнесли ихъ къ Настасьѣ въ избу, отвѣтилъ Костя... Мы хотѣли, чтобы у насъ вышло изъ этого чудо.

— И вы только это и снесли туда?

— Нѣтъ, еще и бутылку вина!

— Бутылку вина?! воскликнула Прасковья.— Да у насъ во всемъ домѣ нѣтъ его ни капли! Кто у насъ тутъ пьетъ? Все бабы да дѣти — некому и пить!

Мама сдѣлала серьезное лицо.

— Гдѣ вы взяли вино? спросила она уже строго.

— Мы нашли его въ кухнѣ... робко отвѣтилъ Костя.

— Въ кухнѣ?! воскликнула Прасковья.— Да что ты, мой миленькій, съ ума сошелъ? Образуется!

У меня тамъ его сроду и не было!

— Мы взяли его въ шкапу... Я не помню, какъ оно называлось... Кажется, нашатыр... Кися, ты не помнишь?

— Нашатырный спиртъ! быстро отчеканила Кися.

— Но вѣдь это не вино, а ядъ! воскликнула мама. Онъ можетъ Настасьѣ и Петькѣ повредить, если они сдуру хлѣбнутъ его! Бѣги скорѣе, Прасковья, оставь у нихъ баранину и хлѣбъ, а спиртъ обратно скорѣе!

— Какъ оставь баранину и хлѣбъ? удивилась Прасковья.— А чѣмъ-же вы будете обѣдать?

— Ничего, ничего! Дѣлай скорѣе, какъ я говорю! Бѣги скорѣе!

Кухарка убѣжала, а мама поглядела на своихъ чудотворцевъ и громко засмѣялась.

— Ахъ, вы глупенькіе! сказала она.—Ну, развѣ-жъ можно устраивать такія исторіи? Вотъ теперь и сидите безъ обѣда! Пусть это это будетъ ващимъ первымъ добрымъ дѣломъ.

Костя и Кися переглянулись.

— Значить, это вовсе не чудо? спросили они разочарованно.

— Конечно, нѣтъ! отвѣтила мама.

И она притянула ихъ обоихъ къ себѣ.

— На чудо вы оба неспособны, ласково сказала она.

— Почему? возразилъ Костя.— Вѣдь если-бы Настасья и Петька не узнали, откуда у нихъ появились баранина, хлѣбъ и... и нашатырный спиртъ, и если-бы вы тоже не догадались, то развѣ-бы это не было для нихъ чудомъ?

Мать сѣла и обняла ихъ обоихъ за плечи.

— Дорогія мои, сказала она имъ, — чудо можетъ сотворить только одинъ Господь и черезъ Него Его святыя! И онъ совершаетъ его вокругъ насъ каждую минуту, каждый мигъ. Развѣ не чудо, то что послѣ зимы всегда бываетъ обязательно весна, развѣ не чудо то, что птицы на зиму улетають и прилетаютъ весной, находя дорогу въ теплые края и обратно, и что пчела собираетъ съ цвѣтовъ такой вкусный медъ? Взгляните вокругъ себя. Развѣ мы не находимся сейчасъ среди чудесъ? Всѣ эти птички, всѣ эти цвѣты, эти козявки, мушки, паучки — развѣ все это не чудеса? Развѣ не чудо это ласковое солнце или, напримеръ, то, что по какимъ-то значкамъ ты можешь прочитать эту книгу и узнать мысли написавшаго ее автора? Да, великій Господь щедрою рукою разсѣиваетъ вокругъ насъ свои чудеса, но мы уже такъ привыкли къ нимъ, такъ огрубѣли душой, что не хотимъ или не можемъ ихъ замѣчать.

Дѣти задумчиво опустили головы.

— А развѣ не чудо эти твои волосы? продолжала мать.—Развѣ не чудо этотъ твой глазъ? Какой знаменитый мастеръ можетъ сдѣлать такой хитрый аппаратъ, какъ глазъ, или соткать такую нѣжную сѣточку, какую ткеть для себя паукъ? Нѣтъ, дѣтки мои, чудесъ много вокругъ насъ! Чудо то, что земля двигается сама собою въ пространствѣ, не поддерживаемая ничѣмъ, чудо и то, что поетъ сейчасъ соловей и такъ пріятно стали уже пахнуть розы и сирень...

— Значить, люди вовсе не способны на чудеса? спросилъ угрюмо Костя.

— Нѣтъ, способны, отвѣтила мать,—только въ другомъ отноше- нии. Ихъ чудеса совсѣмъ не такія, какъ ты предполагалъ.

— А какія-же?

Мать взяла дѣтей за руки и повела ихъ въ дѣтскую.

— Возьмите сейчасъ всѣ эти ваши игрушки, сказала она,—и отнесите ихъ къ больному Петькѣ.

— И мою большую куклу? уди- вилась Кися.

— Да.

— И мой локомотивъ и вагоны и кинематографъ?

— Да.

Кися и Костя переглянулись и покраснѣли.

— Намъ жалко... сказали они.

Мама поглядѣла на нихъ и пока- чала головой.

— Вамъ жаль, сказала она.—

Я такъ и знала. Вы унесли цѣлую ногу баранины и весь хлѣбъ—и вамъ было не жаль ихъ, потому что они были не ваши. А теперь, когда вамъ нужно отказаться отъ своего собственнаго, разстаться со своимъ, что вы любите и къ чему привыкли, вы стоите въ нерѣши- тельности и не знаете, что дѣлать.

Она взяла Кисю за подбородокъ и ласково поглядѣла ей въ глаза.

— Самое великое чудо, продол- жала она,—на которое только спо- собенъ человѣкъ,—умѣть безро- потно и охотно отказаться отъ *своею* и отдать его другимъ. Но нѣтъ большаго чуда, какъ пожер- твовать своею жизнью для ближ- няго!

Она вышла и оставила дѣтей однихъ. Они еще долго стояли и молчали и смотрѣли на свои игрушки, разстаться съ которыми у нихъ такъ и не хватило силъ.

Noella.

ГОЛОВЛОМКИ.

I.

— Почему крестьяне ходятъ въ лаптяхъ, а городскіе жители въ сапогахъ и въ калошахъ?

II.

За столомъ сидѣли: двѣ бабуш- ки, правнучка и внучка; двѣ мате- ри, внучка и прабабушка; двѣ бабушки и двѣ внучки; двѣ мате- ри и двѣ дочери.

Сколько было всѣхъ?

III.

Задуманы три слова означающія.

- 1) То, что мы видимъ на небѣ.
- 2) Того, кто ловитъ рыбу.
- 3) Плотничій инструментъ.

Отъ cadaго изъ этихъ словъ взять по одному только слогу и составить изъ этихъ слоговъ новое слово, означающее предметъ, безъ котораго трудно обойтись при стир- кѣ бѣлья.

Какія слова задуманы и какое это новое слово?

1875

THE UNIVERSITY OF CHICAGO

PHYSICS DEPARTMENT

REPORT OF THE PHYSICS DEPARTMENT

FOR THE YEAR 1875

1875

художественно-литературный журналъ

для дѣтей (7—12 лѣтъ)

„ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“.

подъ редакціей М. П. ЧЕХОВА.

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ (24 номера въ годъ.)

Подписной годъ съ 1-го Ноября.

При каждомъ номерѣ приложенія въ краскахъ: картонажи для склеиванія, игры, домики, занятія и т. п.

Редакція обращаетъ вниманіе главнымъ образомъ на художественность и тщательно подобранное содержаніе „Золотого Дѣтства“.

ПОДПИСЧИКИ ПОЛУЧАТЪ:

24 НОМЕРА журнала «Золотое Дѣтство», въ красивыхъ обложкахъ, отпечатанные на лучшей бумагѣ, со множествомъ художественно-исполненныхъ рисунковъ.

12 КАРТИНЪ для украшенія дѣтской.

12 ИГРЪ для дѣтей.

24 ПРИЛОЖЕНІЯ ДЛЯ СКЛЕИВАНІЯ (домики, автоматы, мебель, экипажи и проч. и проч.),

ОСОВОЕ ПРИЛОЖЕНІЕ:

Книга съ иллюстраціями:

„ВЪ НЕВОЛѢ“.

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія допущена къ выпискѣ въ ученическія бібліотеки городскихъ училищъ.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой на годъ 3 р. 80 к., на полгода—2 руб.

Адресъ Редакціи журнала «Золотое Дѣтство»: Петроградъ, Каменноостровский проспектъ, 26.

3 р. 80 к.

Редакторъ—Издатель М. П. ЧЕХОВЪ.

За перемѣну адреса 28 копѣекъ почтовыми марками.

ОТЪ РЕДАКЦІИ ЖУРНАЛА

«ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО».

Журналъ «Золотое Дѣтство» ЗА ТЕКУЩІЙ 1915 г. РАЗОШЕЛСЯ ВЕСЬ.

ПОДПИСКА ПРЕКРАЩЕНА до Сентября.

Редакція предлагаетъ журналъ «Золотое Дѣтство» за истекшіе 1914 или 1913 г. со всѣми приложеніями. Цѣна въ красивомъ коленкоровомъ переплетѣ 3 р. 65 к., безъ переплета—3 р. За пересылку въ предѣлахъ Европейской Россіи и Кавказа—45 коп.

Петроградъ, Каменноостровский просп., 26.